

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
terra-gl@mail.ru

**ДИНАМИКА АГРАРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
В XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ¹**

G.V. Lyubimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

**DYNAMICS OF AGRARIAN LANDSCAPES OF SOUTHERN SIBERIA
IN THE XX — BEGINNING OF XXI CENTURIES: APPROACHES TO RESEARCH**

ABSTRACT: Based on Anglo-American and Russian works the article discusses theoretical approaches to cultural and agricultural landscape studies. The emergence in Russian anthropogeography of scientific concept of cultural landscape as a complex natural and cultural phenomenon is shown. Predominance of natural components in Russian comprehending of this category is noted. The opposite approach with particular attention to material artifacts in landscape-morphological C. Sauer school is characterized. The idea of changing landscapes which allowed him to present a historical dynamics of the American cultural landscape is analyzed. The reasons for spread

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 15-01-00453.

since late 1970s the «reading» approach to cultural landscape are identified. The occurrence of palimpsest metaphor that reflects a new interpretation of the cultural landscape as a multi-layered and multi-valued structure with traces of different eras is explained. It's shown that attention of contemporary authors to the symbolic properties of cultural landscapes is due to the growing interest in the issues of cultural memory and local identity. The value for the Altai of agricultural landscapes, whose development is still determined by the ethnic factors, is revealed. The author concludes that there are prerequisites for comparative and historical studies of agricultural landscapes of Southern Siberia, with a focus not only on natural, but also on political, economic and socio-cultural factors.

Культурный ландшафт (составной частью которого является агроландшафт) относится к числу междисциплинарных категорий, входящих в область исследования этнографии / этнологии, культурной / этнической экологии, гуманитарной географии, экологической антропологии и прочих дисциплин. Наиболее ранние научные представления о культурном ландшафте зародились в российской науке более ста лет назад. Противопоставляя географию как науку *хорологическую* и историю как науку *хронологическую* (изучающих, соответственно, распределение предметов и явлений в пространстве и времени), Л.С. Берг писал, что географов интересуют не «отдельные вещи», а «закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли». Такими группировками, считал автор, являются ландшафты, подразделявшиеся им на природные и культурные (в зависимости от участия / неучастия человека в их создании) [Берг, 1915].

Несмотря на очевидный «природный» перекоп, связанный с преобладанием природных компонентов в концепции культурного ландшафта, отечественная антропогеография, отмечает В.Н. Калуцков, сформировала представление о ландшафте как сложном природно-культурном комплексе. Было показано, что «население, пути сообщения, возделанные площади земли и т.д. не в меньшей степени характеризуют ландшафт..., чем особенности рельефа, климата (и) растительного покрова». В зарубежной науке проблематика культурного ландшафта начала разрабатываться только десятилетие спустя [Калуцков, 2011, с. 14-15].

Основатель Берклийской школы культурного ландшафтоведения К. Зауэр рассматривал преобразованный человеком ландшафт как проявление «следов» человеческой деятельности, оставленных на поверхности земли. Вместо преобладавшего в то время географического детерминизма им был предложен ландшафтно-морфологический подход, согласно которому культура представляет собой активное начало («формообразующую силу»), природный ландшафт выступает в качестве исходного материала, а культурный ландшафт является результатом их взаимодействия. Выросший в семье фермеров-протестантов К. Зауэр на всю жизнь сохранил любовь к патриархальным сообществам и сельской местности, к основным компонентам которой относил жилую застройку (структуру и планировку поселений), плотность и мобильность населения, производственные процессы и коммуникации [Sauer, 1996, p. 309-310].

Позднейшие критики упрекали К. Зауэра в чрезмерном внимании к материальным артефактам, создававшим своего рода «объектный фетишизм» из «домов, сараев, заборов и заправочных станций» [Митин, 2012, с. 7]. Иными словами, природа у К. Зауэра воспринималась лишь в качестве «сцены», фона или арены человеческой деятельности [Рагулина, 2004, с. 67-68]. Вместе с тем, идея сменяемости культурных ландшафтов во времени позволила автору представить историческую динамику американского культурного ландшафта как последовательную смену индейских, пионерных и фермерских ландшафтов в результате замещения коренных индейских сообществ сообществами белых колонистов и фермеров [Калуцков, 2011, с. 30].

Предложенный К. Зауэром подход получил разработку в исследованиях по истории культурных ландшафтов Англии, особое внимание в которых уделяется радикальным изменениям традиционных английских ландшафтов под влиянием промышленной революции, а также качественной трансформации сельской местности в условиях постиндустриальной эпохи [Hoskins, 1955; Rowley, 2006].

В русле намеченной К. Зауэром методики интерпретации «следов, оставленных культурой на поверхности земли», в конце 1970-х гг. была выдвинута идея «чтения» культурного ландшафта как текста. Любой вернакулярный ландшафт, считает П. Льюис, является непреднамеренным отражением человеческих вкусов, стремлений, ценностей и даже страхов. Подобно книге, ландшафты

можно читать, несмотря на то, что изначально они не предназначались для чтения [Lewis, 1979]. Начиная с этого времени распространенной метафорой культурного ландшафта как многослойной и многозначной структуры, хранящей следы различных эпох, становится понятие *палимпсеста* (текста, написанного поверх более раннего текста). Так, применительно к английским культурным ландшафтам, предшествовавшим эпохе модерна, первый, исходный, слой палимпсеста может быть представлен буйной растительностью, деревьями, стадами и водоемами, создававшими картину организации социальной жизни средневековья. Символами последующих слоев могут выступать железнодорожные станции и коттеджи. Все это — и стада, и станции, и коттеджи, заключает Е.М. Главацкая, — не что иное как исторические «слои иконографии национального английского ландшафта» [Главацкая, 2008, с. 78].

Ключевой элемент современного переосмысления понятия культурного ландшафта, считает И.И. Митин, связан с его символизацией. В фокусе зарубежных и отечественных исследований оказываются символические свойства ландшафтов и мест, в отношении которых необходимо вести речь не только о *саморазвитии*, но и о *конструировании* [Митин, 2012, с. 7-8]. Тесно связанное с культурной памятью понятие места всегда наделено смыслами и символическими (в том числе, религиозными) значениями. По этой причине географический образ места может быть представлен через систему знаков, символов и архетипов, делающих его уникальным и историчным [Главацкая, 2008, с. 77-79; Замятин, 2010, с. 127-128; Калущков, 2011, с. 24]. Специфическое «чувство места», пишут Дж. Брэм и др. авторы, выступает условием формирования локальной идентичности, а позитивное восприятие, привязанность сообщества к месту проживания (*топофилия*) способствуют проявлению экологически ответственных форм поведения и повышают возможности устойчивого развития в целом [Vrehm et al, 2004, p. 409, 423]. Будучи «символом исключительной чистоты сибирских ландшафтов», отмечает, к примеру, К. Метцо, Байкал становится сегодня местом формирования общей региональной идентичности проживающих в регионе бурят, эвенков и русских, в основе которой лежат принципы экологической этики, восходящие к религиозным практикам аборигенного и пришлого населения. Выработка общего культурного видения территории (в том числе, представлений о «святости окружающего ландшафта») содействует принятию политико-правовых решений, направленных на достижение устойчивого развития всего Байкальского региона [Metzo, 2005, p. 29, 42, 50].

Что касается аграрных ландшафтов, то еще в 1970-е гг. отечественными авторами был выделен класс антропогенных комплексов с подклассами полевых, садовых, луговых и пастбищных ландшафтов [Мильков, 1988]. Специфика агроландшафта как производственной основы сельского ландшафта определялась при этом пространственным соотношением входящих в него агроэкосистем (различных по назначению типов сельхозугодий) [Трапезникова, 2014]. На материалах Алтайского региона было показано, что наряду с культурными ландшафтами инновационного и туристско-рекреационного типов большое значение продолжают сохранять ландшафты аграрного, лесотехнического и охотничье-промыслового типов, развитие которых до сих пор определяется этническим фактором [Дирин, 2014]. Таким образом, в настоящее время сложились предпосылки для проведения сравнительно-исторических исследований этнокультурных (аграрных) ландшафтов Южной Сибири с акцентом не только на природные, но также на политико-правовые, экономические и социокультурные факторы.

Список литературы

1. Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463-475.
2. Главацкая Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 76-82.
3. Дирин Д.А. Этнокультурные ландшафты Алтая: особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопросы географии. № 138. Горизонты ландшафтоведения. 2014. С. 327-435.
4. Замятин Д.Н. Гуманитарная география, предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126-138.

5. Калущков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение: учебное пособие. М.: Географический факультет МГУ, 2011. 112 с.
6. Мильков Ф.Н. Сельскохозяйственные ландшафты, их специфика и классификация // Вопросы географии. 1988. № 124. С. 78-86.
7. Митин И.И. На пути региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX в. // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 3-11.
8. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Институт географии СО РАН, 2004. 171 с.
9. Трапезникова О.Н. Геоэкологическая концепция агроландшафта // Известия РГО. 2014. Т. 146. Вып. 1. 2014. С. 73-85.
10. Brehm J.M., Eisenhauer B.W., Krannich R.S.. Dimensions of Community Attachment and Their Relationship to Well-Being in the Amenity-Rich Rural West // Rural Sociology. 2004. № 69 (3). P. 405-429.
11. Hoskins W.G. The Making of the English Landscape. London: Hodder & Stoughton, 1955. 240 p.
12. Lewis P.F. Axioms for Reading the Landscape: Some Guides to the American Scene // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays. New York - Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 11-32.
13. Metzko K.R. Articulating a Baikal Environmental Ethic // Anthropology and Humanism. 2005. № 30 (1). P. 39-54.
14. Rowley R.T. The English Landscape in the Twentieth Century. London: Hambledon Continuum, 2006. 420 p.
15. Sauer C. The morphology of landscape (1925) // Human Geography. An Essential Anthology. Oxford: Blackwell publishers. 1996. P. 296-315.